

«ВЕХИ» И РУССКИЙ РЕНЕССАНС

*По жестким глыбам сорной нивы
С утра до истощенья сил
Довольно — пахарь терпеливый —
Я плуг тяжелый свой водил.*

Хомяков

Переизданный в истекшем году издательством «Посев» знаменитый и славный, столь много испортивший крови «левым» сборник «Вехи» появился ныне одновременно с аналогичным по содержанию сборником «Из глубины» (*De profundis*), названным так, очевидно, по заглавию великолепной заключительной статьи проф. С. Л. Франка.

Впервые сборник «Вехи» вышел в свет в 1909 г. как бы в качестве эпилога (увы! — не эпитафии) к завершившемуся тогда периоду первой русской революции 1905—1906 гг. «Вехи», конечно, могли бы и должны были бы быть ему эпитафией, если бы не войны 1914 г., которой с такой жадностью ждали сидевшие по разным углам Черновы и Ленины с Троцкими в расчете на поражение России.

Несмотря на то, что великая беда — убиение России руками ее же собственных от нее отрекшихся, недостойных дщерей, бесчисленных «павликов морозовых», была несколько раз предсказана Русскими Пророками — Достоевским, Константином Леонтьевым, Лермонтовым и др. — все же одно дело в созерцании предвидеть такую невероятную катастрофу, другое дело — воочию ее пережить! Кроме того, многим и не верилось и не предвиделось, что это будет именно так. Этим, быть может, и объясняется спокойно величавый, культурный тон авгуров сборника, лишенный негодования и так называемого гражданского пафоса, тон печальный и серьезный, которого противники «Вех» ни понять, ни оценить не могли. Мы уже не говорим о том, что некоторые авторы «Вех» сами лишь едва-едва сбросили с себя ревмундир — красное оперение и все время продолжали кадить и «оглядываться» налево.

У революционно-марксистско-народнической интеллигенции выработался особый тип тупой и кровожадной ис-

терпимости, нежелания внимать чему бы то ни было, что выходило за пределы «устава» и «программы» партии. Отсюда отвращение к каким бы то ни было типам культурных ценностей, хотя бы и марксистских. Такие лица, как Георг Лукач, характерный тип культурного марксиста (чрезвычайно редкого), или такой философ как Н. А. Бердяев, которому было «мало» марксистской шпаргалки и который, нисколько не покушаясь на борьбу с марксизмом и не разрешая (морально) этой борьбе быть, хотят *сверх* марксизма еще чего-то и, прежде всего, хотят быть марксистами свободно, а не в порядке полицейского (или «милицийского») принуждения. Но это-то и неприследимо для марксистов, это они считают худшим видом крамолы против марксизма (в чем отчасти и правы). Действительно, свойства марксизма таковы, что не только его надо или целиком принять, или целиком отвергнуть, но *абсолютно недопустимо пожелать чего-либо другого, что не имеет к марксизму прямого отношения*, мало того, *совершенно недопустимо свободное приятие марксизма, недопустима свободная трактовка марксистских тем*. С точки зрения кружково-партийного отношения это почти то же, что ревизионизм, или отпадение от марксизма. В сущности, дело не в том, что я интересуюсь марксизмом и поэтому изучаю его проблематику, а в том, что *обязан быть марксистом независимо от моего интереса и симпатии к нему*. Я обязан быть изнасилован марксизмом, ибо изнасилование есть его природа. И отношение марксизма к человеку — *только насилийское*, уже по той причине, что *существование личности отрицается вовсе, либо признается некоей болезнью, «буржуазным предрассудком», подлежащим искоренению и истреблению*. Ведь свободное личное приятие марксизма предполагает возможность такого же свободно личного его неприятия. И это по двум причинам: 1) по причине логической соотносительности приятия и неприятия; 2) по причине возможности личного изменения в отношении к марксизму, который сегодня привлекателен, а завтра может стать, и очень часто становится, до последней степени противным, отвратительным, ненавистным... Вот этого марксистская интеллигенция не приемлет и не допускает, требуя полицейского воздействия на неповинующегося партийной дисциплине.

* * *

«Вехи» совсем не одинокий «глас вопиющего в пустыне». Это только самый сильный в целом комплекс голосов, поднявшихся в пределах литературы культурного общества против того варварства, которое в России началось с момента сумасшедших нападений Белинского и Писарева на всех и на все. Не сразу, конечно, но постепенно все отрасли, решительно все аспекты духовного бытия почувствовали себя задетыми антикультурным походом «любителей невежества и адораторов тьмы», говоря языком В. В. Розанова. Так как главным, если не единственным орудием, палицей варвара-погромщика были избраны топорно толкуемые материалистические науки, которые по вполне понятным причинам того же топорного «сенсуализма» избрали себе в опору нигилисты, «светлые личности» и «борцы за свободу» (!!), во главе с такими, теперь комически звучащими, именами как Фохт, Молешот, Бюхнер, Геккель (особенно последний — любимец Ленина), с гвалтом вокруг лозунга «долой витализм» (с чем и въсхала советчина в русские университеты после «октябрин»), то естественно, что борьба началась именно по этому вопросу и в этом пункте. Прежде всего надо было, что называется, научно-философски «выжить» — *primum vivere!* А материализм, начавшийся с шестидесятых годов, означал просто *войну на уничтожение, объявленную самому принципу жизни с двумя другими сюда приводящими принципами — личности и ее творческой свободы*. Ведь материалистический коммунизм — это «железный орден смерти», согласно С. С. Ольденбургу. Им, уже в 60-е годы существовавшим чекистам, нужно было оправдание именно самой Чеки, то есть той лаборатории смерти, вокруг которой коммунисты с их рабами ныне подняли такой оглушительный и безобразный свистопляс...

Время менялось. Дарвинизм скоро должен был уступить свое место давно воссоздавшемуся энергетическому ламаркизму (с его основным принципом «функция создает орган»), а тупой и жалкий, все более и более поступавший на службу чекистам биологический материализм должен был уступить место неовитализму, тесно, кстати сказать, связавшемуся с неоламаркизмом. И неовитализм, и неоламаркизм, вместе с теорией мутации, выставленной Де Фрисом, сразу же зарекомендовали себя большим количеством первоклассных трудов,

сильнейшим образом двинувших науку. Пребывание на старых, материалистических, не подлежащих ни ревизии, ни усовершенствованию позициях, не только было отставанием никак не годного реакционного мировоззрения, но и серьезно вредило поступательному движению чисто лабораторной работы. Естественно поэтому, что за шесть лет до «Вех» вышел великолепный сборник под редакцией известного биолога Вл. Фаусека «Сущность жизни» (1903). Сборник этот, включающий первоклассные имена, из которых некоторые придется признать творцами и новаторами, до сих пор в главном и принципиальном не утратившими своего значения, например, Иоганна Рейнке, Клод Бернара, Бунге и др. — составлен на редкость беспристрастно, с включением ученых самых разнообразных, иногда даже исключающих друг друга направлений, как, например, Рейнке и Бютчи. Все дело в том, что организаторы этого сборника и их глава, очень известный в свое время в России проф. Вл. Фаусек, не сочли возможным догматизировать какое-либо одно направление, но решили все важнейшие направления подвергнуть публичному обсуждению. Конечно, материалистам, позитивистам и механистам, которые по природе фанатичны, не желают признать за другими направлениями научной ценности и всех их хотели бы вместе с их представителями сжечь со света, не подвергая рассмотрению, — такая многогранная терпимость, где от ученого требуется только одно качество — научная лабораторная добросовестность — совсем не улыбается...

Еще один сборник, появившийся до «Вех» и могущий быть признанным в качестве предтечи «Вех» — это ряд томов, посвященных античной греко-римской культуре, классическому образованию и всему, что с этим связано. Общее заглавие этих сборников — «Из жизни идей», и принадлежат они известному классику, русско-польскому ученому, профессору С.-Петербургского университета Фаддею Францевичу Зелинскому, человеку, который блестал универсальной культурой, многообразием даров и благородством литературной формы изложения. Сборники эти стали выходить около 1905—1906 гг., то есть сейчас же после того, как «красная гадина была придавлена». Не совсем, впрочем, вследствие неуместного деликатничанья в вопросах защиты культуры от ее красных погромщиков... Стоит только прочесть, что писали такие людишки, как Богданов и ему подобные розовые и красные обскуранты по поводу классического образо-

вания и греко-римской культуры, ни аза в ней не смысля и часто не зная ни одного греческого или латинского слова... К прелюдиям «Вех» можно отнести еще такие сборники как «Новое религиозное сознание» Н. А. Бердяева, его же «Sub specie aeternitatis» и др.

Таким образом, «Вехи» надо считать наиболее выдающимся и заостренным «пиком» этой горной цепи, о которой можно сказать словами поэта:

Превыше туч, покинув горы
И наступя на темный лес,
Ты за собою смертных взоры
Зовешь на синеву небес.
· · · · ·

Не тронет вздох тебя бессильный,
Не омрачит земли тоска!
У ног твоих, как дым кадильный,
Вияся тают облака...

Это именно те настроения, которые красным особенно ненавистны... Ибо они вещают о той године или о том эоне, когда красное палачество будет навсегда забыто и никто и не услышит мышиного и крысиного писка из всеми позабытого подполья...

«Вехи» открываются великолепным, хотя, быть может, чрезмерно сжатым предисловием М. О. Гершензона, известного литературоведа и специалиста по Пушкину, и вступительной статьей Н. А. Бердяева, посвященной философскому варварству русской революционно-социалистической интеллигенции, в котором она по сей день пребывает в лице начальников марксо-ленино-сталинизма.

Статья напечатана под чрезвычайно удачным заглавием: «Философская истинна и интеллигентская правда». Заглавие это стало особенно многозначительным с того момента, когда летом 1917 г. варварский листок, годный исключительно на то употребление, которое Пушкин предназначил «Сынам Отечества» и «Вестникам Европы», стал беспардонно наводнять Россию.

В сущности говоря — это плодотворнейшая тема и великий стимул для создания многотомного сочинения по истории русской культуры — и мы надеемся, что такое сочинение будет когда-либо написано. Если бы Н. А. Бердяев

ничего не написал кроме этой строки с этим истинно диалектическим и острым как бритва сопоставлением, — то уже пришлось бы признать его большим мыслителем и, притом, типично русского пошиба...

Единственное, с чем здесь вряд ли можно согласиться, — это его выражение «кризис интеллигенции». Русская революционно-социалистическая интеллигенция не только не испытывала никогда никакого кризиса за полным отсутствием у нее подлинной духовной жизни, но сама ее наличие была признаком величайшего неблагополучия, смертельно опасной болезни, которой заболел русский народ. Это было что-то вроде духовного рака или саркомы. Разница в отношении подлинного рака или подлинной саркомы та, что эти новообразования не сознают себя таковыми и не знают, что несут организму, ими заболевшему, гибель, в то время как революционно-социалистическая интеллигенция «самообразовалась» с ясно поставленной и осознанной целью *погубить Россию, ее народ и ее культуру*.

В сущности говоря, это погубление России и ее культуры с ее этнографическим субстратом революционно-социалистическая интеллигенция и называла «правдой». Способ погубления был, в сущности, безразличен, но, как правило, он всегда мыслился двуликим: через *поражение России извне, каким-либо очень сильным внешним врагом* (классическая государственно-народная измена), либо путем *духовного подрыва через сеяние духовной зарязы, через убиение истины, добра и красоты* в русской душе и замену этой священной «софийной» триады черной тройкой лжи, зла и уродства, что можно назвать еще *духовным иконоклазмом, заменой идеала преподобия идеалом неподобия*. Знаменитое стихотворение Хомякова «Черна в судах неправдой черной и игом рабства клеймлена...», собственно, относится пророчески к переволюционному состоянию России.

Человек есть существо, по природе стремящееся к знанию (как верно определил его Аристотель), человеческий дух есть прежде всего философствующий дух — *homo sapiens*, он — «мудролюб», он — *философ*. А философия есть, по существу, лено, из которого появляется *филоматия*, то есть всепоглощающая любовь к знанию. Есть глубокая правда в *сократовой идее познающей из научения и из научения возникающей добродетели*.

Страстное стремление овладеть верховным Предметом знания, *наукоучение как страсть* — вот основа сократо-платоновой философии. *Вечеря любви* есть в то же время и *философский симпосион, пир наукоучения*. Попутно с пафосом познания, который, как пафос эротический, есть и пафос красотолюбия, филокалийный пафос, решаются проблемы государственные и социально-экономические. Последние у Платона и вообще в сократоплатонизме решаются самым радикальным, вполне «коммунистическим» путем. Чего уж, казалось бы? Но нет! «Им» совсем не социальная правда нужна, «им» нужны материализм и безбожие. А социальная правда — это тот черный, или, вернее, красный конь, который лучше всякого другого должен донести их до царства материалистической скуки, пошлого безбожия и злобного иконоклазма. Этого они никогда не скрывали, от Белинского, Писарева и К° — до Ленина и Сталина. Это они, собственно, и назвали на своем жаргоне «правдой». В сущности, если договорить до отчетливого конца, не боясь заострений, — так бы и надо было резюмировать содержание статьи Н. А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда».

«Гений и злодейство — две вещи несовместные». Это одно уже делает абсолютно несовместимыми философское и артистическое творчество и «разыскание истины» — с кровавыми злодеяниями и пошлостью так называемой интеллигентской «правды»... Мы совсем не дополняем и не меняем смысла статьи Н. А. Бердяева в «Вехах», но лишь ее договариваем и ставим в ней точки над «i».

Бердяев бьет по самомульному и самому чувствительному месту революционно-радикально-коллективистической интеллигенции, по безобразному и нелепому сочетанию в ней модничанья с крайней отсталостью и затхлым консервативным поклонением все тем же старым, заношенным идеалам-божкам.

«Консерватизм и косность в основном душевном укладе у нас соединялись с склонностью к новинкам, к последним европейским течениям, которые никогда не усваивались глубоко. То же было и в отношении к философии» (стр. 1). Теперь в стане «великой клоаки» дело обстоит гораздо хуже: нет и поверхностного увлечения модами дня. Оно строжайше запрещено, и по всей России густо стоит застарелая ческостская вонь с повторяющейся до сонной одури ленинской «вербигерацией»...

Собственно говоря, то, что Н. А. Бердяев пишет в «Вехах» об отношении революционно-радикальной интеллигенции к философии, относится к ее, так сказать, «общему типу» — до «кадетов» включительно, а не обязательно к большевикам марксо-ленинистам. Сплошь и рядом и теперь можно натолкнуться на каких-нибудь «дедушку» или «бабушку» русской революции, дробезжащим голосом распевающих старые революционные гимны и в сотый раз перечитывающих Лаврова, Михайловского, Чернышевского, Писарева, — из которых по сей день составляются сборники.

Теперь как и тогда, то есть в шестидесятые годы и во всю вторую половину XIX века, бросается в глаза, что отношение к философии так же мало культурно, как и другим духовным ценностям: «самостоятельное значение философии отрицалось, философия подчинялась утилитарно общественным целям» (стр. 2).

Далее Н. А. Бердяев раскрывает неприглядную картину мелкого идолопоклонства, которое он именует «пролетаролюбием» и «народолюбием», где в действительности не было ни того ни другого. Ибо лишь только выяснялось для инквизиторов марксизма, или народничества, что настоящим «пролетарием» и настоящему «народу» хочется совсем другого, — «народолюбец»-интеллигент немедленно выпускал когти, показывал зубы — и начинал дирижировать истреблением народных масс и продавать свою родину какому-нибудь иностранному королю или генералу... Таким образом, здесь нет и следа подлинного народолюбия, но нечто совсем другое: тупое и непобедимое стремление насильственно привлечь народные массы к своему скучному, вечно дряхлому «куриному миросозерцанию».

Сам Н. А. Бердяев не только не был «реакционером», но вышел из крайне левых кругов и в значительной мере таким и остался. Но он был одарен большим философско-творческим даром и не мог не сознавать, что было бы крайне несправедливо и односторонне, даже с «левой» точки зрения, видеть в одичании русской интеллигенции вину каких-то мифических «реакционных злодеев»...

«Виновата и сама интеллигенция: атеистичность ее сознания есть вина ее воли, она сама избрала путь человекопоклонства и этим исказила свою душу, умертвила в себе инстинкт истины. Только сознание виновности нашей умопостижаемой воли может привести нас к новой

жизни. Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т. е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции» (стр. 20).

Следующая тема «Героизм и подвижничество» (стр. 23—69) не менее знаменитого проф. С. Н. Булгакова (впоследствии протоиерея и гениального богослова) тоже посвящена вопросу о рождении в русской интеллигенции «новой души», но на этот раз под углом зрения «религиозной» (будто бы) душевной природы русской интеллигенции. Немного далее ту же проблему ставит и решает в резко отрицательном смысле академик П. Б. Струве, как это мы увидим в нашем втором очерке. С. Н. Булгаков, вообще более гуманный и мягкий по природе, более оптимистически настроен и склонен находить в русской интеллигенции много положительных и чуть ли даже не святых сторон. Однако эти стороны пошли не только прахом, но привели к неслыханной моральной распущенности, цинизму и разложению, как бы подготовившим школу будущих чекистов...

Очень хорошо написанная статья С. Н. Булгакова для своего времени была чрезвычайно нова и остры. Она сильно задела тех, что давно с циническим самодовольством сказали о себе слова Петра Верховенского из «Бессов» Достоевского:

— Я мошенник, а не социалист...

И это уже по той причине, что нельзя не быть «мошенником», то есть до конца извращенным, бесследно утратившим образ Божий, если желаешь быть *коллективистом-тоталитаристом*. Заметим тут кстати, что ныне, после появления Ленина, Сталина и чекизма, слово «социалист» утратило свою былую остроту, превратившись в нечто весьма буржуазное и, так сказать, «вегетарианское». Во времена Достоевского, да и во времена С. Н. Булгакова с гимназических годов пишущего эти строки, слово «социалист» означало нечто весьма близкое к тому, что ныне обозначается словом «чекист», — воинствующего тоталитариста-коллективиста.

В сущности, если хорошенько вчитаться и вдуматься в статью С. Н. Булгакова, то вывод или, если угодно, «резюме» получится отнюдь не в пользу «красных монахов», которые окажутся сжегшими в адском огне свои собственные личности, для того чтобы иметь возможность сжигать и вы-

жигать их в насильственном порядке у своих «ближних»... Впрочем, для них слово «ближний» не существует — оно всецело заменилось кличкой товарища-партийца... Если договорить смысл и содержание статьи С. Н. Булгакова до конца, то получится следующий вывод. Русская революционно-социалистическая и радикальная интеллигенция — это действительно «красные монахи сатаны», занятые своеобразным «умным деланьем», вернее — *бездельничеством*. «В черных глубинах своего духа они воздвигли себе престол сатане», — говоря языком «Черных масок» Леонида Андреева. Последний рассмотрел этих «монахов сатаны» и их «черное умное деланье» очень не скоро — лишь в период первой мировой войны и революции 1917 г., когда он порвал с Максимом Горьким и прогремел на весь мир своим воплем «SOS», оставшимся, впрочем, неуслышанным, — и на этом ушел в мучительнейшем борении, представ «у страшного престола Господа славы»... Это — целая и очень интересная проблема «амартологии», то есть учения о грехе...

Диагноз этой тяжкой морально-метафизической болезни, которой заболела вся радикальная интеллигенция, у С. Н. Булгакова, в сущности, тот же, что и у Н. А. Бердяева, хотя по свойству дара С. Н. Булгакова подходы его окрашены в цвета и тона *богословской метафизики*, что сообщает его статье существенно новые оттенки и ставит новые проблемы. Сюда надо отнести самые крайние формы *упрощенства и оправдания*, легко переходившие вдикую борьбу с культурой во всех ее проявлениях, и то, что сама же «революционная демократия» назвала «*троглодитством*». Почему такой образ мысли и действий они назвали «прогрессом» — это мы предоставляем расшифровывать их сторонникам, которых сохранилось и по ту, и по эту сторону достаточно количество, хотя, как правило, все это теперь уже старцы «богатые годами, но не нравами благими» (по выражению архиеп. Иппокентия Таврического). Судя по количеству психически больных, здесь термин «прогрессивности» приходится употреблять совсем в специальном смысле и тогда, конечно, очень многие случаи миросозерцания и действий революционно-прогрессивной интеллигенции объясняются легко и просто. Однако остаются еще достаточно многочисленные случаи того, что можно назвать *преступным помешательством при сохранении полноты ответственности как за мысли, так и за действия*.

С. Н. Булгаков категорически отказывается обвинять «Запад» и «западничество» как таковые за те духовные изувечения, которые можно и должно назвать «самоизувечиваниями» и в которых повинна наша радикальная интеллигенция. В связи с этим он указывает на полную слепоту и отсутствие интереса к таким пламенно религиозным и очень насыщенным в смысле творчества культуры эпохам, как *средневековье и протестантизм*.

«Наша интеллигенция в своем западничестве не пошла дальше внешнего усвоения новейших политических и социальных идей Запада, причем приняла их в связи с самыми крайними и резкими формами философии просветительства. В этом отборе, который произвела сама интеллигенция, в сущности, даже и не повинна западная цивилизация в ее органическом целом. В перспективе ее истории для русского интеллигента исчезает совершенно роль «мрачной эпохи средневековья», всей реформационной эпохи с ее огромными духовными приобретениями, все развитис научной и философской мысли, помимо крайнего просветительства. Вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация, то есть просветительство, материализм, социализм, атеизм, — вот несложная философия истории среднего русского интеллигента. Поэтому в борьбе за русскую культуру надо бороться, между прочим, даже и за более углубленное, исторически сознательное западничество» (там же).

Давно уже было замечено, что так называемое «западничество» революционной русской интеллигенции есть сущая подделка, основанная частью на невежестве, частью на самом поверхностном, плоском тщеславии, — не говоря уже о том, что настоящими западниками были частью славянофилы, очень образованные и утонченные люди с знанием многих языков, частью антиреволюционеры типа Гоголя, Достоевского, Константина Леонтьева, Аполлона Григорьева, К. К. Случевского, — творческие натуры, воспитавшиеся на греко-византийстве и на лучших плодах западной культуры, о чем радикальная интеллигенция не имела ни малейшего представления. Не говоря уже о вздорах Белинского и его последователей, — достаточно прочесть, например, книжонку некоего Дорна о И. В. Киреевском, чтобы увидеть, что это такое.

Что интеллигентское так называемое «западничество» совсем не западной культуры, но всего лишь, за редчайшими исключениями, жалкое прихлебательство и «в чужом пиру

похмелье», видно из того, что основа западной культуры, то есть христианское *утверждение личности и ревнивое блю-дение ее достоинства*, со всем, что сюда относится, особенно в области *субъективного публичного права*, не только были совершенно чужды русской революционно-радикальной интеллигенции, но ей прямо-таки противны.

«Крайне непопулярны среди интеллигенции понятия *личной нравственности*, — говорит в той же статье проф. С. Н. Булгаков, — *личного самоусовершенствования, выработки личности* (и, наоборот, особенный, сакраментальный характер имеет слово *общественный*). Хотя интеллигентское мироотношение представляет собой крайнее самоутверждение личности, ее самообожествление, но в своих теориях интеллигенция нещадно гонит эту самую личность, сводя ее иногда без остатка на влияние среды и стихийных сил истории (согласно общему учению просвещительства). Интеллигенция не хочет допустить, что в личности заключается живая творческая энергия (интеллигенция, особенно марксисты, ненавидят и всячески отвергают энергетизм. — *В. И.*) и остается глухой ко всему, что к этой проблеме приближается: глуха не только к христианскому учению, но даже к учению Л. Толстого (в котором заключено все же здоровое зерно личного самоуглубления) и ко всем философским учениям, заставляющим посчитаться с нею» (там же, стр. 47).

Вывод, который делает С. Н. Булгаков, столько же прост и понятен, сколь величав и спасителен и имеет максимум эффективности для нашей эпохи.

«*Интеллигенции нужно выпрямляться не извне, но изнутри, причем сделать это может только она сама свободным духовным подвигом, незримым, но вполне реальным*» (стр. 48). Мы от себя здесь добавим, — выражаясь в морфологических терминах: *интеллигенция слишком долго жила в измерениях экстенсивных и количественных: пора ей перейти к измерениям интенсивным и качественным*.

Вот почему так естественно звучит в «Вехах» переход, совершаемый М. О. Гершензоном к *творческому сознанию* в блестящей статье, посвященной этой теме, и где культурный, тонкий и обходчивый автор заставляет своего многогрешного и искаженного читателя из радикалов выслушать несколько горьких истин.

Сам М. О. Гершензон принадлежал к редкой категории людей, совершенно выздоровевших от интеллигентской болезни, от вывиха в плане сознания и культуры, невероятным усилием воли освободившихся от «злой корчи», которая овладевала всякий раз русским интеллигентом, когда он приходил в соприкосновение с подлинными ценностями подлинной культуры, доводя его до очень характерного комплекса *иконоборчества (иконоклазма)*, с неудержанной потребностью хулигать и разрушать особенно артистические и философские ценности. Как бывший иконокласт и интеллигент, М. О. Гершензон и считал себя вправе говорить от их имени.

Статья эта драгоценна не только тем, что она поразительно верно ставит диагноз интеллигентской болезни и интеллигентского вырождения, но еще показывает пути исцеления через переустановку воли и сознания, через переоценку ценностей («сжечь то, чему поклонялся и поклониться тому, что сжигал»...).

В великие ценности, прилепиться душой к которым призывает М. О. Гершензон, надо уверовать, их надо полюбить. «Для этого должна переродиться сама духовная ткань существа человека, должен совершиться некоторый органический процесс в такой сфере, где действуют стихийные силы, — в сфере воли» (стр. 70).

Возрождение и исцеление могло бы для русских интеллигентов забить живым ключом из недр воистину великой русской литературы и поэзии, — но и здесь последовал срыв. М. О. Гершензон этот срыв передает с необычайной силой и правдивостью.

«Казалось бы, нас могла исцелить великая литература, выросшая у нас в эти годы (то есть в годы интеллигентского колLECTIVISTического, общественнического гниения. — В. И.). Литература эта была плодом творческой свободы. Она не была связана нашими духовными путами. *Истинный художник прежде всего внутренне независим*. Ему не предпишешь ни узкой области интересов, ни внешней точки зрения: он свободно воспринимает всю полноту явлений и всю полноту собственных переживаний. Свободны были и наши великие художники, и, естественно, чем подлиннее был талант, тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской общественно- utilitarianной морали, так что силу художественного гения у нас почти безошибочно можно было измерять степенью его ненависти к

интеллигенции: достаточно назвать гениальнейших — Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета» (стр. 83).

И далее — с небывалой силой, искренностью и откровенностью — в этом смысле это кульминационный пункт «Вех» (если не считать статьи проф. С. Л. Франка):

«И разве не стыдно знать, что наши лучшие люди смотрели на нас с отвращением и отказывались благословить наше дело? Они звали нас на иные пути — из нашей духовной тюрьмы на свободу широкого мира, в глубину нашего духа, в постижение вечных тайн. То, чем жила интеллигенция, для них словно не существовало» (там же, стр. 83).

«В самый разгар гражданственности Толстой славил мудрую „глупость” Каратаева и Кутузова, Достоевский изучал „подполье”, Тютчев пел о первозданном хаосе, Фет — о любви и вечности. Но за ними никто не пошел. Интеллигенция рукоплескала им потому, что уж очень хорошо они пели, но оставалась непоколебимой. Больше того, в лице своих духовных вождей — критиков и публицистов — она *творила партийный суд над свободной истиной творчества* и выносila приговоры: Тютчеву — на невнимание, Фету — на посмеяние, Достоевского объявила реакционным, Чехова — индифферентным и пр. *Художественной правде и жизненной мешала проникнуть в души закоренелая предвзятость сознания*» (стр. 84).

Редко кто — за исключением, быть может, Достоевского и К. Случевского — позволял себе выражаться так правдиво, серьезно, честно и откровенно. Видно было, что М. О. Гершензону было не до «ропота тупой черни»: слишком уж много накипело у него на душе справедливого негодования, и он спешил судить судей исправедных — и осудил их. К этому приговору ничего не прибавишь и от него ничего не убавишь. Движение, начатое мыслителями и учеными типа М. О. Гершензона, остановиться не может. В крайнем случае оно уйдет на недоступную глубину, но потом обязательно прорвется наружу, и этот прорыв может стать опасной рекой, от которой не сдобровать слишком возомневшей о своем всемогуществе шайке чекистов.

Когда право делается бессильным и умолкают его мертвые глаголы, тогда вступают в силу Эриннии-терзательницы... И все равно: принявшие ли образ «Страшной мести» или «правовых норм». Опасно упразднять право, особенно гуманное и милостивое, каким было право, созданное учреждениями имп. Александра II.

Из всего, что интеллигенция ненавидела в старом режиме, самым ненавистным для нее, по-видимому, было право — и наряду с ненавистью здесь была и слепота, и глухота, и самая черная неблагодарность. Блестящий профессор Петербургского университета Лев Иосифович Петражицкий назвал как-то право «водой жизни» — и был прав: без вина можно прожить — и даже очень хорошо прожить; без воды — ни дня... Ибо в глубине всякого подлинного права коренится то, что можно назвать «правом существования» или «правом на жизнь», с круговой порукой, функции которой берет на себя осуществлять нормальное государство. Задача последнего — «не превращать землю в рай», но «следить за тем, чтобы она прежде времени не превратилась в ад», как совершенно верно заметил Владимир Соловьев. После того, как «февраль» смел до чиста правовые гарантии, чего всегда и прежде всего добивались русские революционеры, мы все слишком хорошо поняли это, и по сей день, сидя на реках вавилонских, оплакиваем рай утраченного правового строя... Конечно, одна из важнейших функций права — это дисциплинирование как общества, так и отдельных человеческих единиц. Тут проф. Б. И. Кистяковский украсил сборник «Вехи» великолепным произведением, где сочетаются философия права, социальные науки и первоклассная публистика в защиту правового строя и против чудовищной юридической некультурности, которой замарали себя русские революционеры, начиная с Н. К. Михайловского и до большевиков включительно: все они «утилитарно» ненавидели право и правовые гарантии, и по той же причине, что культуру и художественную литературу: все это мешает «единому на потребу» — именно, революционному взрыву... Когда поются акафисты «преподобной нашей матери гильотине» (Белинский), какая может быть речь о правовых гарантиях? Единственная гаранция для чекизма — это полная безнаказанность убийц и грабителей. Для изучения таких «гарантий» юридические факультеты не нужны. И если уж на то пошло, то в своем роде последователен «Революционный Катехизис» Нечасва-Бакунина, когда он требует изучения медицины и химии с исключительной целью убийства и отравления целых групп населения, целых классов вне какого бы то ни было вопроса о вине и наказании. Вот почему статья Б. Кистяковского, несмотря на свою тонкость и исключительную отделанность — а может быть именно благо-

даря этому — представляется концертом первоклассного пианиста для глухих или выставкой картин для слепых. Для русской революционной интеллигенции, которая всегда была глуха и слепа к ценностям культуры, в чем бы последние ни состояли, такого рода писания были только средством умножать злобу и «рессантименты», то есть все то, что прямо противоположно культуре права и всему, что с ней связано. Еще можно себе представить священника, проповедующего любовь среди разбойников и убийц, даже в такой квалифицированной форме, как революционные убийцы и чекисты: он на то идет и проповедует он не временное устройство на временной земле, но вечные ценности, связанные с вечными и загробными судьбами человеческой души. Конечно, право с этим связано — оно есть «этический минимум», — а в этом плане, как и в медицине, на первом месте должно стоять правило: «прежде всего не вредить» (*primum non nocere*). Но это прямо противоположно революционеру, задача которого — выполнение знаменитого революционно-интеллигентского принципа «чем хуже, тем лучше!».

Впоследствии проф. Б. Кистяковский выпустил превосходный том, куда вошла и эта статья. Том этот — «Социальные науки и право» — мог бы создать ему мировое имя, будь он переведен. Но в России, особенно если том этот был рассчитан на «большую публику», — он воистину был «не в коня корм». Но все же, несмотря на такое отсутствие правовой культуры, сила судебных установлений имп. Александра II была так велика, что вскоре появилось у нас значительное — относительно говоря — количество сочинений по праву и его философии. Правда, читателей этих книг было мало, но не случись революции — круг читателей и лиц, захваченных темой правовой культуры, все более и более расширялся бы. Это же касается и философии, науки, кстати сказать, с правом весьма связанной, как это мы видим на примерах Канта, Гегеля, Фихте, Краузе и др. Однако хорошо известно, что Н. К. Михайловский, под псевдо-покаянным предлогом трудности выплаты «векового долга народу» (какого долга, какому народу?!), просто отрекается от свободы, потому что она ему как великому инквизитору в тягость. Здесь действительно, по выражению Б. Кистяковского, «отрицание правового строя возведено в систему» («Вехи», стр. 106). Странным образом ни Н. А. Бердяев, отец русского учения о свободе и твор-

ческой личности (в молодости — автор книги о Михайловском с предисловием П. Струве — оба были тогда характерной помесью марксизма с народничеством), ни отец русского марксизма Г. В. Плеханов и др. — не заметили этого или не захотели заметить. Еще бы! Ведь тогда бы пришлось признать ту горькую истину, что главные враги русской свободы были сами русские «освободители» и авторы так называемого «освободительного движения», отстаивали же свободу и раскрывали ее на деле, идя все более ввысь и вглубь, Царь и его «Синклит» — правительство. Об этом совершенно «невозможном» и «невыносимом», однако вполне правдивом факте русской культуры и истории обмолвился вскользь один из авторов «Вех», только, к сожалению, не тот, из уст которого это более всего подобало бы... Ясно одно: царское правительство воспитывало народ в духе подлинной свободы и права, революционная же интеллигенция тянула в чекистские подвалы и сажала нежно любимый народ на цепь и загоняла его в смрадный хлев проклятой общины... Именно так! Царь Освободитель был убит за освобождение, за судебные уставы и за проект народоправства, а П. А. Столыпин — за вывод народа из общинного хлева и за попытку умыть его и снять с него «колтуны»... Вот как определяет Б. Кистяковский этот отказ от свободы и конституции со стороны «папы» всего русского революционно-террористического бедлама — Михайловского, чего — еще раз напоминаем — не захотели увидеть многие, лживо обвиняя Царя и его правительство и нечестно навязывая ему грехи, пороки и неподобия, которыми сами были вымазаны с ног до головы!

«Михайловский и его поколение отказывались от политической свободы и конституционного государства ввиду возможности непосредственного перехода России к социалистическому строю» (стр. 106). Теперь вполне понятно, почему первые две Государственные Думы, собранные по крайне неудачному для эпохи революционного брожения избирательному закону, оказались тем, что можно назвать самоубийством, самодискредитированием представительного строя, — с полной невозможностью какой бы то ни было работы... И это уже по той причине, что Правительство было представлено высшей техникой и высшим опытом управления, а обе говорильни — тьмой невежества, безответственности и нежелания понять требования момента, а также то,

что лучше быть распущенными (и поделом!) Царским указом, чем разогнанным окриком матроса-чекиста, притом раз на всегда, без назначения новых выборов и без каких бы то ни было перспектив для конституционного народоправства!..

«Все это социологическое построение, — отмечает проф. Б. Кистяковский, — было основано на полном непонимании природы конституционного государства. Как Кавелин возражал против конституционных проектов потому, что в его время народное представительство в России оказалось бы дворянским (во всяком случае, это лучше сбираща пугачевцев и разиновцев — чекистов. — В. И.), так и Михайловский отвергал конституционное государство, как буржуазное» (там же, стр. 106), — хотя это лучше толпы изменников, продавшихся генеральным штабам мечтавших о войне с Россией государств.

Далее неоспоримое, хотя и чрезмерно мягкое заключение:

«Вследствие присущей нашей интеллигенции слабости правового сознания, тот и другой обращали внимание только на социальную природу конституционного государства и не замечали его правового характера, хотя сущность его в том, что оно прежде всего — правовое государство» (там же).

Надо было приветствовать большого ученого и талантливого юриста-социолога за этот корректный, культурный и даже эвфемический язык. При обсуждении подобного рода проблем в России не привыкли к такому языку, ибо русская «оппозиция», природы которой не хотели видеть за границей и по той простой причине, что она и была нанята заграничными врагами России для дела «разрухи Руси», — такая «оппозиция» менее всего годилась для регулярной парламентской работы.

Если первые четыре статьи этого замечательного по смелости мысли и яркости литературного выражения сборника (Бердяева, Булгакова, Гершензона и Кистяковского) касаются и, притом в весьма культурном и снисходительном тоне, как будто бы не столь тяжких и, при известных условиях, простительных, так сказать, общечеловеческих грехов русской революционно-социалистической и радикальной интеллигенции — т. е. философской некультурности и философского невежества, дурно направленной аскетической установки, слепоты и глухоты к праву, — то последние три статьи (П. Б. Струве, С. Л. Франка и А. С. Изгоева) имеют дело с чем-то гораздо худшим. Сюда относятся: от-

щепенство и, следовательно, ненавистничество, нигилизм в отношении ко всем подлинным ценностям, и, наконец, отвращение к систематическому умственному труду. Последнее — под лицемерным предлогом служения народу, в действительности же — по нежеланию заставить себя произвести волевое усилие как в области морально-умственной, так и физической.

В связи с этим и тон этих трех последних статей несравненно более суровый, хотя всегда неизменно корректный.

Статья академика П. Б. Струве «Интеллигенция и революция» исключительно богата содержанием, что очень характерно для этого энциклопедически дисциплинированного ума, — это настоящий миниатюрный, но великолепно сделанный энциклопедический словарь по философии русской истории последних трех столетий. В этом изумительном по глубине и остроте очерке сделано сопоставление, проведен параллелизм, который просто надо считать гениальным социологическим открытием: показана аналогия, иной раз превращающаяся в полное совпадение, двух тяжелых и зловещих явлений — факторов русской истории — качества XVI и XVII веков и русской революционно-социалистической радикальной интеллигенции XIX и XX веков — в настоящее время представляемой коммунистической партией.

П. Б. Струве исходит из победы здоровых строительских элементов государственности, выковавшей свою силу и закалившей себя в конце XVI и начале XVII века — победы государства и «земли» (не забудем — под царским водительством) над «ворами, несшими землю розно» и делавшими ее добычей всякого желающего. Это опять и было провозглашено главарем воров XX века — Лениным, повторившим гнусные деяния таких воров, как убийцы Ляпунова, как Стенька Разин и Емелька Пугачев...

Если резюмировать кратко замысел П. Б. Струве на эту тему, то придется сказать следующее:

Революция и марксо-коммунизм, вообще — интеллигентский тоталитаризм XIX и XX веков есть *организованное отщепенство от всех ценностей культуры*, — независимо от происхождения этих ценностей, но в особенной степени, если это ценности духовно-религиозные и если они связаны с правом и государством, их отстаивающими и защищающими. Отщепенцы стремятся *прежде всего разрушить*

шить то место, на котором, благодаря содействию ими разложенной и распропагандированной черни, им удалось укрепиться, — а потом идти низовым пожаром куда придется и где придется, — где «займется»... Родины для отщепенцев не существует, сам же Ленин Россию и великоросское племя ненавидел в особой степени.

Второе открытие П. Б. Струве — это то, что, вопреки распространенному мнению, революционный интеллигент не может быть признан религиозной натурой. Он — «ни Богу свечка, ни черту ожог». С этой точки зрения интеллигенция, как политическая категория, объявила в русской исторической жизни лишь в эпоху великих реформ и окончательно обнаружила себя в революции 1905—1907 гг. (стр. 130—131). «Идейной формой русской интеллигенции является *отщепенство*, ее отчужденность от государства и враждебность к нему» (там же). Академик П. Б. Струве считает, что две формы отщепенства — абсолютное в виде принципиального отрицания государства и государственной власти, и относительное — в виде его отвлеченного признания, например, у разного вида социалистов, — существенно одна от другой не отличаются. На деле оба вида отщепенства совпадают, достигая максимальной остроты в организованной марксистами классовой борьбе. Тут нельзя не вспомнить замечательного утверждения Б. П. Вышеславцева, считавшего, что организованное, хотя бы в государствоподобных формах, зло — несравненно хуже зла государственно дезорганизованного. «Поэтому, — говорит П. Б. Струве, — марксизм с его учением о классовой борьбе и государстве, как организации классового господства, — был как бы обострением и завершением интеллигентского противогосударственного отщепенства» (там же, стр. 131). Поэтому не может быть и речи о какой-либо интеллигентской противогосударственной мистике и об интеллигентской аскезе в смысле, например, христианской или индусской отшельнической аскезы: отщепенцы-интеллигенты стоят не выше, но гораздо *ниже мира с его так называемыми соблазнами и материальными ценностями, даже ниже мирского разврата и мирской распущенности, до которых им надо еще подняться и дорасти*. П. Б. Струве все время и совершенно справедливо настаивает на том, что интеллигенция «отрицает мир во имя мира и тем самым не служит ни миру, ни Богу» (стр. 132).

В подтверждение суховым речениям П. Б. Струве по адресу русской революционной интеллигенции, мы должны еще сказать, что она, став врагом как неба, так и земли, *обнаружила тем самым еще и свою необыкновенную зловредность решительно для всех слоев населения*, в том числе и для самой себя. Вот почему среди русской революционной интеллигенции есть котел вечных подозрений, шпионств, доносительств, подсиживаний, как правило, настоящего культа уголовщины. Она никогда ничего не дала миру и человечеству, но только все от них отнимала и разрушала.

П. Б. Струве с беспощадной логикой разбивает висящие в воздухе и ни на какие фактические данные не опирающиеся утверждения Вл. Соловьева, а с ним и некоторых других религиозно-философских мыслителей, о какой-то никогда не существовавшей, или если и существовавшей когда-то, то радикально выкорчеванной религиозности русской интеллигенции, ныне целиком сосредоточенной в компартии, рассыпавшей по всей стране своих эмиссаров-доносчиков, но ничего общего со страной и с интересами «копекаемых» масс не имеющей и иметь не желающей.

Центральная идея статьи П. Б. Струве сформулирована в четком афоризме: суть дела «не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще делали» (стр. 141). Сходясь с социалистом Жоресом, П. Б. Струве вообще объявляет революцию варварством.

Жестокий кризис революции, социализма и революционной интеллигенции был ознаменован появлением такого сборника как «Вехи». И теперь еще все оценки «Вех» остаются на месте и о «смене Вех» могут мечтать только предатели права, свободы и культуры, вообще говоря, человечности. То, что некогда было революционно-социалистической интеллигенцией и ныне сосредоточилось в компартии, в Чеке (пребывающей в СССР и лишь меняющей маски-клички), исчезнет только с исчезновением тоталитарного режима, как бы он себя ни именовал и ни переименовывал... Ведь все в коллективизме построено на анонимате, на псевдонимате, на маскировках, переодеваниях, на обманах и подлогах... По этому поводу нельзя не вспомнить одной характерно острой и жестковатой, но глубоко правдивой басни Крылова, которую нынешнему свободному юношеству, да и всем, не склонившим свою выю под сапог тоталитаризма, в СССР и где угодно, надо принять не только к сведению, но и к исполнению:

К Крестьянину вползла Змея
И говорит: «Сосед! Начнем жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я
И кожу нынешней зимой переменила».
Однако ж Мужика Змяя не убедила.
Мужик схватил обух
И говорит: «Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же».
И вышиб из соседки дух.

Коротко и ясно.

«Ворами», кстати сказать, русский народ именовал бунтовщиков и революционеров. Когда-то их хвалили, да и ныне кое-кто похваливает за их мораль и морализм... И это несмотря на картинный, все объясняющий афоризм Ленина:

— Тьфу! Этика! Тьфу! Эстетика!

Однако не надо забывать, что в этих ленинских «тьфу!» заключена своя «этика» и своя «эстетика», только это — «воровская этика» и «воровская эстетика», революционно нигилистическая, разбойничья, кровавая...

Философскую феноменологию этой «воровской этики» (а тем самым и «эстетики») дал проф. С. Л. Франк в следующей, превосходнейшей статье «Вех», озаглавленной «Этика нигилизма» — с подзаголовком:

«К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции» (стр. 175—210).

Уже дивно подобранный эпиграф из «Так говорит Заратустра» Ницше показывает, что статья посвящена развенчанию и рассвящению русской интеллигенции, на которую здесь в эмиграции кое-кто начал опять возлагать венцы, пытаясь воскресить ее нечестивый культ.

Статья С. Л. Франка логически вытекает с полной последовательностью из предшествующей статьи П. Б. Струве, ясно показывающей, что ни о какой религиозности, ни прямой, ни искаженной, у «нигилистов» не может быть и речи, а стало быть не может быть и речи ни о какой этике в подлинном смысле слова, ни о каком «страдальчестве за правду», что жертвы, принесенные ими, принесены впустую, что это — жертвы идолам, а принесшие их — идолопоклонники перед красным Бафометом революции...

Дело совсем не в жертве, но в том, за что эта жертва принесена!

«И если кто идет в огонь за свое ученье — что это доказывает? Поистине, важнее, чтоб из *собственного пламени души* рождалось собственное учение». Это все из того же гениального Заратустры Фридриха Ницше. Здесь не мешает вспомнить, что, вопреки суеверным страхам перед этим истинным мучеником идеи, он многих — в том числе и С. Л. Франка — отклонил от марксизма и привел к истинному христианству...

Подлинная культура всегда вытекает из единства *истины (познания), добра (нравственно любовного отношения к ближнему) и красоты (в природе и в искусстве)*. Все это русский радикально-революционный интеллигент-нигилист начисто отвергает, как препятствия на путях революционно-социалистического морализма. Поэтому-то «русскому интеллигенту чуждо и отчасти даже враждебно понятие культуры в точном и строгом смысле слова» — совершенно справедливо утверждает С. Л. Франк (там же, стр. 186). Но независимо от культа прямых религиозных ценностей, «культура... может быть прямо определена как *совокупность осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей*» (там же). Если так понимать культуру — а иначе ее нельзя понимать, не снижая этого понятия в оскорбительном для человеческого достоинства порядке, — то культура представляет такую же ценность в себе, как и *человеческая личность*. И культура, и ее создавшая человеческая личность, или собор личностей, представляя «ценность в себе», не могут быть утилизированы в качестве средства, но, скорее всего, все прочее превращается в средство служения этим верховным ценностям личности и культуры.

Вот именно такой точки зрения не выносит русский радикально-революционный интеллигент и объявляет войну не на жизнь, а на смерть во имя узкой, куцей «народнической идейки», где народ и его пресловутая «польза» взяты в самом сниженнном и даже совершенно низменном плане, так сказать ползающем по земле, так что хочется сказать — «когда бы вверх могла поднять ты рыло!».

Но что прямо-таки ужасно и что делает радикального интеллигента *лютейшим врагом и, попросту, истребителем народа* — это то, что он хочет, чтобы его война с культурой была *самоцелью*, как, например, для Писарева его

«разрушение эстетики» было самоцелью, а превратно понятое народное благо — лишь средством. Но разрушение культуры и есть революция, — русский «октябрь» и китайская «культурная революция» показали это в достаточной степени. Поэтому «благодетельствование» народа, например, его насыщение, оказывается тоже не целью, но средством. И если интеллигенту надо выбирать между насыщением народа путем отказа от антикультурного социал-коммунистического строя или голодовкой и мором, но с сохранением этого строя, то он, конечно, выберет последнее. Для Н. К. Михайловского, например, *народное богатство есть бес (!)* — и он требует кровавой борьбы с этим «бесом» не на жизнь, а на смерть. Здесь как раз и раскрывается во всей своей неприглядности интеллигентский нигилистический морализм, которому нет имени, — если мы вспомним *массовое уничтожение того самого «народушка», за который революционный интеллигент будто бышел в огонь...*

«Убогость, духовная нищета (отнюдь не евангельская. — В. И.) всей нашей жизни не дает у нас возникнуть и укрепиться непосредственной любви к культуре, как бы убивает инстинкт культуры и делает несвосприимчивым к идеям культуры; и наряду с этим нигилистический морализм сеет вражду к культуре как к своему метафизическому антиподу. Поскольку русскому интеллигенту доступно вообще чистое понятие культуры, оно ему глубоко антипатично. Он инстинктивно чувт в нем врага своего мировоззрения».

Народничество — настоящая раковая опухоль русской интеллигенции XIX века и так называемой «учащейся» (на деле — совсем не учащейся, а только политикающей) молодежи... Не удивительно, что эта раковая опухоль, когда подоспела подходящая конъюнктура в виде мировой войны, которую революционеры-пораженцы ждали с нетерпением, дала с такой легкостью и быстротой марксистско-коммунистические «метастазы» и привела к крушению России и ее культуры. И это с тем большей легкостью, что революция предлагалась *обязательной самоцелью*, не отменимой никакими самыми широкими уступками «старого режима» и даже его самоупразднением: самоупразднившиеся классы все равно подлежали поголовно, с женщинами и детьми, пыткам и казням. К сносу была приговорена культура не только за то, что она есть произведение приговоренных к смертной казни групп и классов: злом, подлежащим *уничтожению*,

считалась культура сама по себе: высшая математика, усовершенствованные естественные науки, гуманитарные науки, все искусство и, особенно, ненавистная «троглодитам» философия и религия.

Сад загадить надо
Затем, что он цветочный!

Подобно маркизу де Саду революционно-социалистическая интеллигенция рвала и топтала цветы, одобряла истребление породистого скота (даже если он принадлежал крестьянам): *все высококачественное было приговорено к уничтожению*, и студенты с курсистками сладострастно-мазохистически обоняли вонь горьковской боячни. Заметим здесь в скобках, что извращению сексуальный базис революции и революционеров еще не подвергнут психоанализу, и только Карл Юнг осмелился упомянуть о *политическом неврозе*. Тут автору этих строк принадлежит почин, хотя собианию материалов (которых слишком много) посвятили себя ученые крупного калибра — но на Западе только. У нас красному Бафомету, которому воздвигалась новая религия взамен искореняемого огнем и мечом христианства с его культурой, — продолжают рабски стучать лбом об пол.

Очевидно, по этого рода опыту собственного безнравственного морализма и худших, вырожденско-извращенных форм «великого инквизиторства» коммунисты и расценивают Церковь и мистику, тем более, что они принимают все меры к тому, чтобы «обезвредить» (то есть извратить и развратить, изуродовать и духовно опустошить) видимую Церковь... Что же касается Церкви невидимой и мистической, то на это у них нет ни ушей, ни глаз, ни голов, ни сердец...

Главное достоинство статьи проф. С. Л. Франка в том, что она с необычайной тонкостью и глубиной показала превращение нигилистического интеллигентского морализма в антикультурную безнравственность и антитворческую бездарность, «злое старчество» — как мы уже писали не раз...

Борьба против культуры, столь характерная для революционной интеллигенции, непосредственно связана была уже с середины XIX века с культом оправдения. Этот культ, несомненно, представляет неблаголепную смесь самых низкопробных форм руссоизма, откуда пошли и все мерзости французской революции с отбросами народных

низов, большей частью уголовно-хулиганско-преступного пошиба — объекта рабьего идолопоклонства со стороны радикальной интеллигенции, постоянно испытывавшей нужду в наемных палачах, как ее испытывали революционные коноводы вроде Дантона, Марата, Робеспьера, Сен-Жюста и прочих креатур политиканствующего злого духа, нарядившегося в тогу республиканцев и напялившего на себя шутовской колпак «патриотизма» — как будто патриотизм такого сорта, купленный кровью невинных жертв, женщин и детей, может быть оправдан и понят.

Вообще приходится сказать, что со времени французской и, особенно, обеих русских революций политика стала чем-то в высшей степени подозрительным по части элементарной порядочности — и это еще в лучшем случае. Самое ужасное то, что порядочные люди вынуждены защищать свои элементарные права на существование — оружием своих противников... От этого революция автоматически превращается в генерализованную гражданскую войну без определенного фронта и без национальных границ, где враги смертельно и лично ненавидят друг друга (чего обычно нет в войне национальной). Это и превращает плацдарм гражданской войны в настоящий ад ненависти, хаоса и безумия.

Веру радикальной интеллигенции, теперь в виде интернациональной компартии управляющей населением СССР, которое она стремится превратить в «мертвые души», конечно, никак нельзя назвать верой (тут прав. П. Б. Струве, а не С. Л. Франк) — эта интеллигентская вера скорее есть самое низкопробное суеверие. Здесь не только философское «безмыслие», как верно замечает С. Л. Франк (*«Вехи»*, стр. 209). Здесь философское бессмыслие. Радикальный интеллигент туп и бездарен, или же он кланяется этим качествам, находя их у своих политических единомышленников, и служит этим качествам как раб служит своему господину, притом — добровольно, что, пожалуй, еще хуже...

Таким противоестественным направлением своих мыслей, или, лучше, отсутствием мысли российская интеллигенция старого образца, ныне доживающая свои малопочтенные дни как в пределах, так и вне пределов «железного занавеса», обязана такому монстру тяжелой формы истерии и хаоса навязчивых идей, каким был Белинский — доселе пребывающий в положении «главистукана» и «табу», которого нельзя

касаться, ни критиковать, и которому можно только «сту-
кать да стукать челом». Но пора оборвать это постыдное и
бессмысленное суеверие.

До сих пор это иногда начинали, но не доводили до кон-
ца, не говоря о таком властителе дум, как Бердяев, кото-
рый как с отроческих лет распростерся ниц перед бюстом
Белинского, так в этом положении и был предан земле, до-
жив до такого возраста, когда подобного рода позы никак
не соответствуют достоинству философа свободы... Раз сде-
лавшись радикальным интеллигентом и заразившись ленин-
ской вербигерацией, исцелиться от этой ужасной болезни
очень трудно...

Но, пригвождая к позорному столбу предтеч революции
и большевистского марксо-коммунизма, необходимо воздать
должное центральному солнцу русской культуры — Александру Сергеевичу Пушкину. И это по целому ряду причин.
Во-первых, и прежде всего по той причине, что имнование
этого удивительного явления *центральным солнцем* — от-
нюсь ис риторический троп и не пресувеличение философа,
имеющего к Пушкину свое, тоже необъяснимое, личное пред-
расположение. Пушкин есть то, что он есть, он в рамках ис-
тории русской культуры то же, что преп. Сергий и преп. Се-
рафим в области Русской мистики и святости, то, чем
Ломоносов, Лобачевский, Менделеев и о. Павел Флоренский
стали в области точной науки...

Вспомним здесь, кстати, что, как ни беспредельно велик
и умен Достоевский, вряд ли бы он был тем, чем он стал, и,
может быть, духовно вряд ли бы обнаружился — вне того
ослепительного огня, которым осветил русскую культуру
Александр Сергеевич Пушкин. Петр Великий создал вели-
чайшую в мире Северную Империю, а эта Империя создала
Пушкина — типично великокомперское явление. Я знаю, что
многим эти слова не понравятся и многие красные покойни-
ки, не особенно мирно спящие в своих могилах, зашевелят-
ся в них как мертвцы в «Страшной мести» Гоголя, услышав
эти мои слова. Но их негодование и злоба — лучшее для
меня оправдание. А сверх того я им напомню, что в мире не
было другого такого кощунственного и безумного скверно-
словия, как то, которое себе позволяли Белинский, Писарев
и К° по адресу Пушкина. Миру все еще не в достаточной
мере явлен русский гений, имевший великое преимущество
в каждом слове, оброненном им хотя бы невзначай, в каж-

дой шутке и эпиграмме, не говоря о больших вещах, — дарить всех, кто входит с ним в общение, такими дарами, которые возникают только от тройного взаимодействия мыслителя, христианина и артиста.

Совершенно понятно, почему с русского «дна» восстали глупец, безбожник и урод... Таким был и остался Белинский. Но оставим некультурного невежду — и в нашем следующем очерке войдем в светлый мир мысли и слова, рука об руку с величайшим русским артистом.

Не забудем также и того, что лишь в эпоху русского Ренессанса удалось в России заговорить полным голосом и смело, с властью, о творце «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина»...